

Ни для кого уже не секрет, что все эти «истории», которые мы любим читать, а ещё больше – цитировать: всякие Тациты, Геродоты и Карамзины, – никакого отношения к науке истории не имеют, а это просто хоро-

шие художественные тексты. Да и сама История, имея в покровительницах музу Клио, является одним из древнейших видов искусства, а точнее, особым жанром литературы. Потому надо критически относиться к фактам, изложенным в текстах Радзинского, Пикуля, Валишевского, Костомарова и дальше по нисходящей до Страбона. А вот какие мотивы побуждали их писать свои книги, остаётся для большинства из нас загадкой, – скорее всего, меркантильные, даже если это был социальный или государственный заказ.

Истинные события, происходившие в мире, всегда тщательно скрывались или дозировались специальными правительственными службами: и не одной цензурой, но и более суровыми органами. Да только как ни скрывай, как ни карай, а есть ещё и народная память, которую невозможно выжечь самым калёным железом.

Разговорился я как-то во Владимирском – это село, что стоит рядом со знаменитым озером Светлояр, – с батюшкой, приехавшим туда, как и я, на праздник. Батюшка был родом из местных, в годах, старенький, очёчки всё время поправляет, но по его общительности было видно, что много чего он знает любопытного. Ни с того ни с сего спросил я у него про село Троицкое, о котором я много разного слышал, но в котором к тому времени ещё не бывал.

– Троицкое? Там романовский храм.

– Что значит романовский?

– Много чего говорят, да только на каждый роток не накинешь платок. А вот то, что над царскими воротами там вырезанные в иконостасе царская корона, держава и скипетр, – это точно. Старики, которых я ещё застал, поговаривали, что до революции царственные особы туда, в Троицкое, приезжали и в селе том останавливались. Да только нигде в документах таких свидетельств нет. А вам

съездить туда надо – там на погосте надгробье загадочное из белого мрамора.

Заинтриговал меня старичок, и на следующий день покати я в Троицкое.

Страшный семнадцатый век с его Смутой и неосуществившейся попыткой польско-литовских магнатов объединить все русскоговорящие славянские народы в единую империю (а может, она в результате и осуществилась бы, если бы Владислав, которому уже присягнуло большинство русских земель, занял Кремль) стал для России переломным. Но переломным, а сломаны были все устои русской общины, оказался он совсем по другой причине: раскол православия, на котором держалось общество в течение сотен лет, – вот настоящая русская трагедия семнадцатого века. Что тогда произошло в стране, какие силы были задействованы, какие преступления были совершены? Подмигивают из-под пыли веков старые загадки. А вот тогда и разгадкам народным приходится удивляться.

В сказочные дремучие заповедные леса Заволжья, на берега Керженца и Ветлуги, бежали от государственного розыска блюстители старой отцовой веры, не желая признавать церковные новшества патриарха Никона. С первого взгляда за три с половиной века, прошедших с тех пор, мало чего осталось характерного в жизни местных жителей: и нет уже ни старообрядческих общин с их суровыми уставами и принципами, ни скитов, в которых скрывались и хранились православные древние святыни, да и храмов старообрядческих здесь почти нет – беспоповцами были лесные староверы. Но всё же есть что-то неповторимо строгое в жизни людей Заволжья, будто хранят они и должны навсегда сохранить некую русскую тайну.

Храмов православных достаточно в сёлах по берегам Ветлуги, и все службы в них ведутся по канонам, обяза-

тельным во всём мире. Это ведь у старообрядцев крестный ход идет «посолонь», а не супротив, и крестятся они двумя перстами, и «аллилуйя» поют иначе, да и других различий у них самих даже между собой множество.

Но, если побывать не в одном-двух, а в десятке заволжских храмов и на десятке разных служб, нетрудно заметить, что есть что-то специфическое в характерах местных батюшек и отличается их отношение к своим прихожанам от тех норм, которые приняты в более «продвинутых» точках мира. С одной стороны, заволжские батюшки по-семейному более внимательны к своим прихожанам, а с другой – строже и требовательнее: не ту юбку надела, не так платок повязала, смеёшься много – и ещё подобные замечания. Но если после службы с батюшками этими удастся разговориться, то заметишь, сколько в них скрыто хитрости и лукавства: будто не верят они тебе, словно знают они что-то важное и им одним только ведомое, чего нельзя открывать простым смертным. Такое недоверие веками вырабатывается, в воздухе заволжском оно витает.

Село Троицкое на левом берегу Ветлуги с его красивым и древним храмовым комплексом овеяно тайной. Те, кто побывал с экскурсией здесь или просто по личной инициативе посетил его, как бы сразу вступают в некий незаявленный клуб посвящённых. Только не мог понять я никак, во что посвящённых!

Ой, а вы бывали в Троицком? Это здорово так!

А чего – здорово? Тайна! За тайной всегда должна быть легенда или несколько. А тут никаких легенд я не ведал, пока не приехал, хотя раньше рассказывали мне что-то совершенно непонятное про это село.

Храм был закрыт, на двери висел замок. Я прошёл через огороженную территорию и уселся на лавочку, стоящую над обрывом, любясь очаровательными видами.

Стоит Троицкое на берегу озера большого, километра два в длину, а храм – так прямо на холме. «Село Троицкое на Бабьей горе» называлось оно когда-то, а холм этот высокий назван был Бабьей горой в честь Степаниды, предводительницы банды разбойников, державших когда-то в царские давние времена в страхе всю округу.

Внизу на берегу виднелись несколько дюралевых лодочек да в дальнем мыске почти из камышей с надувной посудыны бросал спиннинг одинокий рыбак. Озеро это осталось от старицы – когда-то здесь Ветлуга протекала, и легко можно представить, как красиво тут проходили прямо под стенами храма суда под парусом, баржи или знаменитые беляны (настоящие гигантские речные корабли, построенные на одну ходку вниз до Царицына из тысяч кубометров лучшего товарного леса). В половодье Ветлуга разливается, и водные просторы, если смотреть с этого обрыва, просто необозримые.

Посидев на лавочке по-над очаровавшим меня озером какое-то время, решил всё же разыскать артефакт, о котором всё время помнил. И вот, обходя огороженную территорию храма, заметил я, что дверь в помещение уже как-то приветливо приоткрыта, приглашая войти. Она даже тихонько позвякивала накидной кованой скобой запора.

В помещении было сумрачно, прохладно, пахло свечами и ещё чем-то, может, ладаном. Батюшка в служебном своём облачении стоял в углу и, видимо, молился перед какой-то своей любимой иконой о чём-то своём личном – но это была не служба. Как так быстро он успел переодеться – я не понял. Какая-то женщина перебирала на лавке то ли полотенца, то ли простыни, а может, просто тряпки для уборки.

Я поздоровался.

Женщина не очень приветливо мне ответила и порекомендовала подождать минут пятнадцать: пока, мол,

батюшка занят, а потом он вам всё пояснит. Но мне не хотелось молящегося обременять наивными расспросами. Я знал, что храм этот знаменит тем, что есть в нём пять мироточивых образов, а может, уже и больше, и самый знаменитый из них – образ Казанской Божьей Матери. По преданию, именно эта икона привела на берега Ветлуги из далёкого Соловецкого монастыря первых беглых монахов, приверженцев древнего благочестия, и основали они здесь Черноозерский мужской монастырь, старообрядческий.

Не про эту ли икону писал Мельников-Печерский – как древний старец, инок-схимник, в монастыре Соловецком дни и ночи проводил на молитве перед иконой Казанской Богородицы. А та икона была прежде комнатною царя Алексея и пожалована им в Соловки. И вот истомился старец, стоя на молитве, задремал. И, будучи в тонком сне, слышал он глас от иконы: «Гряди за мною ничтоже сумняся, и где я становлюся, тамо поставь обитель, и пока икона моя будет в той обители, древнее благочестие будет в ней процветать».

Так вот, на берегах Ветлуги остановился тот чудотворный образ.

Полюбовался я и на искуснейшей работы кленовый резной иконостас, и увидел ту самую, особо чтимую здесь Казанскую, хранимую под стеклом, и покрестился, и помолился, и вышел на крыльцо. Соседняя зимняя церковь Зосимы и Савватия (ну а в честь кого же соловецкие монахи будут освящать первый храм?), состоящая в комплексе с Троицкой, была закрыта.

Я сразу разглядел камень, ради которого приехал сюда, спустившись с крыльца и пройдя буквально несколько шагов по ровно выкошенной травянистой лужайке.

Красивое и строгое белокаменное резное надгробие лежало на зелёном газоне, чуть покачнувшись, а может,

наоборот – неровно вынырнув из травяной волны. Это всё, что сохранило для нас время от местного церковного погоста. Никаких поясняющих или наводящих на размышления и домыслы инициалов и цифр на камне не было. Я пытался разглядеть, сдувал и стряхивал палочкой травинки, кусочки земли и коры, но – увы... Можно было с натяжкой предположить, что были там когда-то вырезаны корона и скипетр, но разглядеть такое на лицевой стороне камня мог только человек с очень большой фантазией.

А вот то, что я увидел на торцевой стенке надгробья, которое значительно ушло в землю, очень порадовало меня: там было вырезано и совершенно явно различалось солнце с расходящимися лучами – символ царской власти! Царские знаки – это то, что я искал.

Старуха в стёганом ватнике и тёплом не по сезону пуховом платке очень неодобрительно следила за мной с крыльца храма – ей явно не нравились мои манипуляции, а я ещё фотографировать начал камень. Желание расспросить кое о чём и её, и бабушку местного совсем отпало.

Подтверждений, что здесь, на ветлужских берегах, в конце семнадцатого века нашёл свой конец законный наследник российского престола, не вступавший на него, и подлинный, но официальной историей не признанный отец Петра I, я искать не стану. Мне достаточно легенды и этого камня.

И тут я слышу от читателя: о чём ты?

Помните ли вы, под какой фамилией царь Пётр ездил в Европу? Напоминаю: Михайлов! А какую фамилию приняла Марта Скавронская, приняв крещение и обвенчавшись с Петром? Екатерина Михайлова! Знал подспудно глубинный народ и высший официоз страны, чей сын Пётр I. Да и сам он про то знал!

Из сохранившихся документов известно, что первого сына царя Алексея Михайловича крестили 29 октября 1649 года и нарекли его, как было принято в великокняжеских и царских домах, именем деда со стороны отца, Михаилом. Потом, много лет спустя, в дворцовых документах указывалось, что старший сын умер, но когда и где – непонятно, и в народе родилась легенда, что старший сын царя дожил до зрелого возраста. Было ещё несколько обстоятельств, смущавших простой народ.

«Собинный друг» царя Алексея Михайловича Артамон Матвеев был дальновидным человеком, и готовил он воспитанницу свою Наталью Нарышкину с детских лет как будущую невесту Михаилу и будущую царицу. Только вот после смерти жены своей, царицы Марии, загрустил Алексей Михайлович и зачастил в гости к своему другу детства Матвееву. Там-то и положил он глаз на невесту сына своего, с которым Наталья была уже помолвлена. Михаил вовремя понял, чем может закончиться такая симпатия, и спешно отбыл в Соловецкий монастырь.

Тут-то и началось знаменитое «соловецкое сидение», которое длилось восемь лет. Так Алексею Михайловичу хотелось выкурить из этого гнезда старообрядчества своего старшего сына, что даже якобы англичан нанимал. Что-то свои-то служивые не больно старались беглого царевича в Москву возвратить, догадывались, какая участь ему там уготована, жалели, знать.

А сам царь женился на Нарышкиной, хотя и отговаривали его все приближённые люди: говорили, что порченная она. И «подмётные письма», знаменитые и описанные русскими историками, были. Сообщалось в тех письмах, что Нарышкина – невеста порченная и ни к чему хорошему не приведёт эта новая царская женитьба. И подтасовка с датами рождений тоже была. Вот откуда возникли в русском обществе сомнения в отцовстве Алексея Михайловича по

отношению к Петру. А потому, может, и воспитывали его не как царского сына и не как наследника.

А Михаил со многими соловецкими монахами был уведён в сказочные, заповедные и непроходимые заволжские леса из Соловецкого монастыря чудотворным образом иконы Казанской Божьей Матери, которая, по преданию, и мироточит с тех пор. И хранится она в храме Святой Троицы в селе Троицком, что на Ветлуге.